

ятельства отрезвять и неразборчиваго на средства бывшаго ректора академіи.

* * *

V. Русская Церковь на порогѣ своей новой исторіи.

Въ настоящее время Православная Русская Церковь переживаетъ величественный переломъ въ своей исторіи. Изъ „Вѣдомства Православнаго Исповѣданія“, которымъ ее сдѣлала церковная реформа Петра, двѣсти лѣтъ тому назадъ, она вновь становится церковью, независимой отъ государства, и возвращаетъ себѣ соборныя черты своего устройства. Повидимому, скорбный періодъ униженія остается уже позади и бодрая, радостная, она смотритъ въ невѣдомую даль.

Намъ, современникамъ великихъ событій въ Россіи, не объять, конечно, значенія ихъ во всей полнотѣ. Многихъ частныхъ мы не знаемъ, цѣлаго видѣть не можемъ. Но опыты исторіи и горечь пережитаго, ясное пониманіе прошлаго песомѣнно даютъ намъ возможность до извѣстной степени сознать происходящее нынѣ и заглянуть въ будущее русской церковной исторіи.

Судьба нашей Церкви всегда тѣсно связывалась съ судьбою нашего отечества тѣмъ болѣе, что на арелѣ исторіи онѣ—сверстипки. Извѣстно, что первые полтора столѣтія до монгольскаго ига прошли въ свободномъ созиданіи русской государственности и въ первоначальномъ устроеніи русской митрополіи. Начинаясь было расцвѣтъ какъ матеріальной, такъ и духовной культуры Кіевского періода подвергся тяжелому испытанію отъ господства татаръ. Русь раздвоилась и на сѣверѣ русской равнины возникли одинъ за другимъ новыя центры государственной и церковной жизни. Нельзя сказать, чтобы за это время со середины XIII в. до середины XV-го Русь отступила назадъ. Ея движеніе продолжалось, но медленно и трудно. Слабая политически, она нуждалась въ материнскихъ заботахъ Византіи и въ церковномъ отношеніи. Но въ это время и сама Византія все болѣе и болѣе ослабѣвала. 1453 г. припесъ ей окончательную гибель, а русской Церкви — безспорную автокефалію. Москва стала „третьимъ Римомъ“. Возникла новая религіозно-политическая идеологія, проникавшая постепенно и законодательство

и быть. Во главѣ „святой Руси“ появились московскіе самодержцы, какъ Божіи намѣстники, которые искренно признавали, что главная цѣль ихъ государственной дѣятельности—служеніе преуспѣянію вѣры и Церкви. Такъ, напр., царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ грамотѣ объ устройствѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ Академіи, заявлялъ, что его царская „первая и величайшая обязанность—охраненіе восточныхъ православныхъ вѣры, и тоя о расширеніи промышленности“ *).

Московская эпоха русской исторіи бесспорно была весьма благопріятной для Православной Церкви въ Россіи. Со среды XV в. независимая отъ Константинопольскаго патріарха и Византійскаго императора, она оставалась и внутренне автономной. Противъ фактическаго вмѣшательства въ дѣла ея царской власти ей нечего было возражать, потому что цари сами хотѣли ей служить, а не поработать себѣ Церковь. Общими усиліями церковной и государственной власти можно было бы, казалось, достигъ высокаго развитія. Но этого не случилось. Причина заключалась въ томъ же самомъ, въ чемъ и теперь еще корень нашей слабости. Это — недостатокъ просвѣщенія.

Къ концу XVII в. Русское государство расширилось на всю восточно-европейскую равнину и всю сѣверную Азію почти до океана. Въ тѣхъ же границахъ оказалась и Русская Церковь. Но для того, чтобы такое государство и такая церковь были величественны и мощны, нужно было, чтобы внутри себя они имѣли здоровые и сильные соки. Между тѣмъ къ концу XVI в. прекратилась династія. XVII в. прошелъ въ смутѣ и войнахъ. Было ясно, что социальный бытъ устарѣлъ и нѣтъ достаточно знаній, порою чисто техническихъ и военныхъ, чтобы справиться съ тѣми историческими вопросами, которые сами собою назрѣвали подъ воздействием сильныхъ и просвѣщенныхъ западныхъ сосѣдей. Недостатокъ просвѣщенія въ Церкви привелъ сначала къ надменному буквообрядо-вѣрію и религіозному само-мнѣнію, затѣмъ къ слѣпному заимствованію многого изъ католизованнаго Кіева, вплоть до хлѣбопоклоннической ереси, и наконецъ,

*) И. Ѳ. Кантревъ, Патріархъ Иннокій и царь Алексѣй Михайловичъ. т. II, стр. 77.

къ расколу старообрядчества, взявшему въ свои нѣдра всѣ наиболѣе сильныя элементы кнѣра и мірянъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ недостатокъ просвѣщенія былъ понятъ. Начались усиленные поиски учителей и школы, но трагедія состояла въ томъ, что на Востокъ паѣти ихъ уже не могли, потому что тамъ, послѣ разгрома Византіи, ихъ уже не было. Трагизмъ положенія заключался еще и въ томъ, что отъ того, кто будетъ нашими учителями: греки или западные европейцы, неизбежно зависѣла и цѣльность всего нашего міровоззрѣнія.

Законы исторіи непреложны. Россіи предстояло одно изъ двухъ: или погибнуть отъ натиска болѣе сильныхъ и просвѣщенныхъ западныхъ сосѣдей, или принять ихъ идеологію, ихъ просвѣщеніе. Инстинктивный наклонъ Россіи къ западу начался еще съ Іоанна Грознаго. Но Петръ Великій уже сознательно бросилъ кости и перешолъ Рубиконъ.

Политическія послѣдствія эпохи Петра Великаго для Россіи хорошо извѣстны. Но до послѣдняго времени думали, хотя, правда, не всѣ, что судьбы нашей Церкви эта эпоха затронула только внѣшне, не глубоко. Главный результатъ петровскихъ реформъ видѣли въ томъ, что единоличнаго патріарха онъ замѣнилъ коллегиальнымъ Синодомъ. На самомъ же дѣлѣ вліяніе его царствованія было огромно. Конечно, Петръ Великій не самъ намѣчалъ свои цѣли относительно Церкви, на тѣ или иныя реформы въ ней его толкали современныя ему условія. Какъ бы то ни было, онъ былъ проводникомъ новаго политическаго міровоззрѣнія и новаго отношенія государства къ Церкви.

Съ эпохой Петра кончилось наше средневѣковье, которое характеризовалось господствомъ религіознаго міровоззрѣнія, единствомъ церковнаго и государственнаго организмовъ съ нѣкоторымъ даже преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Эти черты у всѣхъ народовъ какъ запада, такъ и востока Европы въ значительной степени парализовали самостоятельныя духовныя силы людей и въ отношеніи матеріальной культуры задерживали ихъ развитіе. Однако, близкое со-сѣдство отдѣльныхъ государствъ запада толкало ихъ на неизбежное соревнованіе, тогда какъ Россія стояла въ сторонѣ. Впрочемъ, уже съ Іоанна Грознаго стихійный процессъ исторіи началъ втягивать Россію въ общеевропейскую

жизнь и къ началу XVIII в. стало ясно, что Россія должна выйти изъ своей изолированности и воспринять начала западной культуры, должна отречься отъ исключительно религіознаго своего міровоззрѣнія, навсегда оставивъ идеологию „третьяго Рима“, какъ историческій пережитокъ.

Петръ дѣйствительно оказался первымъ русскимъ интеллигентомъ, первымъ русскимъ государемъ, руководившимся примѣромъ и политической философіей запада. Усвоивъ себѣ теорію школы естественнаго права о происхожденіи государства и абсолютной власти, объ обязанности ея слѣдовать общему благу, Петръ явился проводникомъ полицейской государственности въ Россіи и просвѣщеннаго абсолютизма, при которыхъ религія можетъ играть только служебную, подчиненную государству роль. Поэтому естественно, что учрежденіе Духовной Коллегіи явилось далеко не случайностью и знаменовало собою полное подчиненіе Церкви государству, съ лишеніемъ Церкви ея самостоятельныхъ задачъ, кромѣ неопредѣленно понимаемаго „общаго блага“, съ лишеніемъ ея юридической независимости въ устройствѣ и управленіи и т. д. Иными словами, церковныя реформы Петра Великаго внесли глубокую перемѣну въ самыя основы существованія и жизни Русской Церкви. Церкви, какъ самостоятельнаго юридическаго учрежденія въ Россіи не стало. Она превратилась въ „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія“, такое же государственное, какъ и всякое другое.

Русскіе люди XVIII в. отнеслись къ этой перемѣнѣ различно. Тѣ, кто меньше дорожилъ нашей церковностью, въ церковной реформѣ Петра находилъ идеалъ просвѣщеннаго отношенія монарха къ своему долгу правителя. Эти люди въ своей оцѣнкѣ происшедшаго близко сходились съ протестантами, видѣвшими въ Петрѣ правовѣрнаго лютеранина. Зато тѣ, кто больше всего дорожилъ именно нашей церковностью, кого менѣе интересовали дѣла государственныя, наши военные успѣхи, возвышеніе Россіи въ положеніе великой державы, чѣмъ вопросы духа, спасенія и вообще религіознаго уклада, такіе люди не могли найти словъ, чтобы достаточно заклеить Петра и Ѳеофана за порабощеніе Церкви. И такая двойственность взглядовъ на реформу Петра сохранилась до нашихъ дней, хотя и въ сильно ослабленномъ видѣ. Своеобразная путаница во взглядахъ про-

изошла потому, что за XVIII и XIX в. характерныя черты церковной реформы Петра понемногу сгладились и забылись, а Св. Синодъ, въ который преобразовалась Духовная Коллегія, стремился стать какъ можно болѣе похожимъ на православный постоянный соборъ и иногда отчасти достигалъ этого. Съ другой же стороны въ эпоху и. Николая I Филаретъ Митрополитъ Московскій сознательно и упорно проводилъ тотъ взглядъ, что Св. Синодъ есть соборъ и что церковная реформа Петра имѣла будто бы своею цѣлью вернуть насъ къ устройству, бывшему въ первые четыре вѣка христіанства. Въ концѣ концовъ многіе изъ насъ утратили ясное представленіе о происшедшемъ съ Русскою Церковью въ началѣ XVIII в., хотя смутно и понимали, что что-то въ ней не такъ. Подавленностью православнаго общества и нашей общей растерянностью блестяще воспользовались для усиленія своей власти Оберъ-Прокуроры Св. Синода, которые какъ министры Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, стали играть могущественную политическую роль. Безъ нихъ не обходилось ни одно дѣло, такъ или иначе шедшее противъ русской общественности и русскаго прогресса. Они явились лучшей идейной опорой самодержавія и всецѣло силели съ его судьбою судьбу русской церковной жизни. Поэтому, если самодержавіе въ послѣднія десятилѣтія совершенно утратило почву въ народной психологіи и уже не оправдывалось исторической необходимостью, то по связи съ нимъ чахла и опопылялась наша церковная жизнь, въ послѣдній моментъ оскверненная исторіей съ Распутиньмъ.

Паденіе стараго государственнаго строя знаменуетъ собою для Русской Церкви освобожденіе ея отъ внѣшнихъ и внутреннихъ оковъ. Русская Церковь должна получить юридическую независимость отъ государственной власти или автономію въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь должна очистить свое ученіе о вѣрѣ, нравственности, свое богослуженіе и дисциплину отъ тѣхъ наслоеній и искаженій, которыя были неизбежны въ силу ея служебнаго положенія въ Русскомъ государствѣ цѣлыхъ два столѣтія. Для этого она должна вновь возстановить свое соборное устройство, вѣрнѣе установить его въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ оно было въ московскую эпоху. Такова ея

задача въ текущій моментъ. Осуществить ее возможно только общими силами, огромнымъ напряженіемъ ума и доброй воли всѣхъ членовъ Церкви при благожелательномъ отношеніи къ церковному возрожденію со стороны государства. Осуществится ли она и въ какой мѣрѣ, кто можетъ на это отвѣтить?

Всѣ наши лучшія чаянія мы возлагаемъ на предстоящій церковный соборъ. Его не было болѣе 200 лѣтъ, въ теченіе которыхъ большинство русскихъ людей отвыкло отъ соборнаго веденія церковныхъ дѣлъ настолько, что трудно себѣ представить, какъ состоится и къ чему приведетъ насъ этотъ первый чрезвычайный соборъ. Справедливость требуетъ сказать, что обстоятельства его созыва очень мало благопріятны для спокойнаго и сосредоточеннаго рѣшенія такихъ вопросовъ, какъ церковные, въ которыхъ мало личнаго мнѣнія, личнаго желанія, а должно быть и подлинное благочестіе и умѣніе мыслить въ духѣ церковнаго предапія, улавливать традиціонное общецерковное сознаніе примѣнительно къ потребностямъ даннаго времени. Между тѣмъ вся окружающая насъ атмосфера до послѣдней степени пропитана мірскою суетою, заботами о хлѣбѣ, о кровѣ, о безопасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отравлена социалистическимъ атеизмомъ, матеріализмомъ, взаимной ненавистью, завистью, жаждой паживы, господствомъ силы и узкой партійности. При этихъ условіяхъ членамъ собора нужно будетъ имѣть змѣнную мудрость и голубиную кротость, чтобы не внести въ Божье дѣло человѣческія страсти. Нужно помнить, что мы люди только своего времени, невольпо отражающіе на себѣ всѣ его преходящія особенности. И если мы не сумѣемъ отъ нихъ отрѣшиться, наши церковныя реформы получатъ такой же характеръ виѣшности, какой получили и церковныя реформы Петра и Оеофана, только въ иномъ меншого видѣ.

Будемъ думать, однако, что страхъ Божій подыметъ пастроеніе Собора и опъ поборетъ человѣческія немощи своихъ членовъ во имя своей высокой цѣли и огромнаго историческаго значенія. Тогда предъ Русскою Церковью раскроется дѣйствительно великое будущее. Сильная своею вѣками испытанной соборной организаціей, очищенная въ своемъ ученіи и дисциплинѣ, независимая отъ давленія со стороны

государства, быть можетъ, глубоко атеистическаго, Русская Церковь явится громадной культурной силой, духовно облагораживающей и воспитывающей насъ въ любви и уваженіи къ духовнымъ цѣностямъ. Въ новыхъ условіяхъ своего свободнаго развитія Русская Церковь сможетъ это сдѣлать, ибо за два столѣтія своего „паралича“ она приобрѣла свою духовную школу, создала русскую богословскую науку и привлекла къ себѣ симпатіи многихъ поколѣній, сѣмѣвшихъ понять истинныя причины церковныхъ бѣдствій и потому сохранившихъ къ ней свою глубокую преданность.

Настаетъ минута огромной важности. Сердце охватываетъ благоговѣйный трепетъ и разумъ исполняется смиреннаго сознанія великой отвѣтственности предъ исторіей.

Профессоръ П. В. Верховской.
